

УДК 94(470)«19»

В.И. Баяндин

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ
КАК ПОЛИЦЕЙСКОЙ СИЛЫ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Рассматриваются причины и основания использования регулярных частей русской армии при подавлении народных и революционных волнений во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: *армия, полицейская сила, карательные экспедиции, содействие гражданским властям.*

В определенные исторические периоды правительствам разных стран приходится прибегать к использованию военной силы государства как к последнему средству сохранить контроль над политической ситуацией и вышедшим из повиновения народом. Россия и русская армия не были исключением из этого общего правила. Привлечение и использование регулярных войск против «толпы», так в документах и приказах часто именовали не подчиняющуюся массу людей, регламентировалось соответствующими инструкциями и предписаниями. Тем более, что случаев привлечения регулярных частей к подавлению народных выступлений в истории императорской России в XIX – начале XX в. становилось все больше и больше. К вопросу о том, кто имел право вызывать регулярные воинские части, в каких случаях они могли быть вызваны, а также как взаимодействовали в этой ситуации между собой военные и гражданские власти, нам и хотелось бы обратиться.

Масштабные народные волнения, прокатившиеся по стране «по случаю» отмены крепостного права, и необходимость привлечения регулярных войск к выполнению полицейских функций заставили правительство и высшее военное руководство обратить внимание на разработку различных наставлений, положений, инструкций по использованию военной силы для подавления народных волнений. Уже в начале сентября 1861 г. Совет министров принимает Положение «О наставлении воинским начальникам в случае употребления войск для усмирения народных волнений и беспорядков». В Положении оговариваются ситуации, при которых гражданские лица имели право вызвать воинскую часть и как должны взаимодействовать в этом случае гражданские и военные должностные лица для «скорейшего успокоения народного возмущения». Подчеркивалось, что вызов воинской части производится только по письменному требованию, поступившему от губернаторов, исправников или городничих. В документе

указывалось, что офицер, командующий воинской частью, поступает в подчинение полицейских чиновников или других лиц, которых назначили для этих целей. За офицером, после получения распоряжения от начальствующего лица, остаётся право решать, как следует действовать солдатам при наведении порядка: «холодным оружием или огнем» [1. С. 274]. В Своде военных постановлений, изданном в 1859 г., также отмечалось, что «употребление огнестрельного оружия против неповиновения крестьян производится не иначе, как по приказанию гражданской власти, но отнюдь не по распоряжению военного офицера» [2. С. 107]. В некоторых случаях закон разрешал офицеру действовать силой оружия, не дожидаясь распоряжения от того, кому он должен подчиняться. Таких случаев называлось два: «...когда возмутившиеся сами нападут на воинскую часть и когда необходимо спасти жизни начальствующих лиц, которым угрожает опасность насильственных действий со стороны возмутившихся» [1. С. 274].

В 70–80-е гг. XIX в. в ряде сибирских городов из-за недостатка полицейских служащих практиковалось назначение нижних чинов из воинских частей на низшие полицейские должности. Но исполнение этими лицами новых служебных обязанностей вызывало заслуженную критику со стороны обывателей. Так, в заметке, появившейся на страницах газеты «Томские губернские ведомости» в 1872 г., автор обращал внимание на неудовлетворительный, по его мнению, состав полицейских служащих губернского города и предлагал свое решение этой проблемы: «Полицейский служащий обходится до 72 рублей в год. Не лучше ли заменить солдат вольнонаемными людьми, дав им содержание 12 рублей в месяц. За эту плату можно найти полицейских служащих, вполне удовлетворяющих своему назначению» [3]. Против использования нижних чинов как полицейских служащих в городах Дальнего Востока также выступал генерал-губернатор Восточной Сибири

М.С. Корсаков. По мнению генерал-губернатора, «такую службу не следовало бы возлагать на строевых нижних чинов» [4. Л. 15].

В июле 1872 г. появляется Указ императора Александра II: «О разграничении прав и обязанностей военных и гражданских властей при усмирении народных беспорядков», в котором подробно прописаны права и ответственность гражданских и военных властей. В указе отмечалось, что «призыв войск зависит от усмотрения гражданского начальства и возлагается на его ответственность», но после того как перед командованием воинской части поставлена цель, то все дальнейшие действия военной силы идут под командованием офицера, на которого и возлагается вся ответственность» [5. С. 208]. Этим же законом разрешалось гражданским властям «...в случаях, особенно настоятельных и не терпящих отлагательства, требовать содействия от начальников ближайшей воинской части ...», то есть не тратить время на согласование этого вопроса с высшим военным начальством. В 70–90-е гг. XIX в. принимались дополнения к правилам о привлечении воинских частей для содействия гражданским властям – приказы по Военному ведомству 1877 г. № 427; 1883 г. № 14; 1889 г. № 45 и др. При этом расширялись и перечень должностных лиц, которые имели право вызывать воинские части, и сфера применения военной силы.

Сопровождение лиц, ссылаемых в Сибирь, возлагалось на конвойные или местные команды, но в случае недостатка таких команд нередко практиковалось привлечение регулярных воинских частей, что для Сибири было вполне заурядным явлением. Но высшему военному командованию подобное использование регулярных воинских частей очень не нравилось, прежде всего, потому, что это отрицательным образом сказывалось на нравственном состоянии нижних чинов, и, во-вторых, возложение дополнительных обязанностей на воинские части снижало уровень боевой подготовки нижних чинов русской армии, за что несло полную ответственность как местное военное, так и высшее военное руководство. В мае 1888 г. военный министр генерал-адъютант Ванновский издал приказ № 104: «Об освобождении войск от конвоирования арестантов и окарауливания тюрем гражданского ведомства». Согласно этому приказу исполнение названных функций должны быть передано специально сформированным командам тюремной стражи. Этот приказ привел к упразднению около 90 местных команд по стране, но, как отмечалось в приказе, на сибирские военные округа этот приказ не распространялся [6. С. 148].

Многие из военного руководства в регионе были уверены в том, что конвоирование ссыльных не является достойным занятием для сибирских частей, и по возможности старались отстаивать свою позицию. Это ярко иллюстрирует следующий пример. В январе 1897 г. Управляющий Сибирским жандармским округом обратился к Иркутскому генерал-губернатору, командующему войсками Иркутского военного округа А.Д. Горемыкину с настоятельной просьбой «... увеличить количество выделяемых нижних чинов для конвоирования преступников в Восточной Сибири, так как имеющихся жандармских чинов явно недостает ...». На эту просьбу генерал-губернатор ответил решительным отказом: «Возлагать надзор за конвоем на старших офицеров Иркутского резервного батальона я не признаю возможным – по несоответствию этого обязанности своему служебному положению, равно как и поручать это дело младшим офицерам, которые при неустойчивости их взглядов легко могут подчиниться губительному влиянию преступников, отличающихся нередко обширными, хотя и поверхностными познаниями в науках и ловкою диалектикою, смущающей незрелые умы. Не считаю также возможным возлагать надзор за конвоем на унтер-офицеров батальона, служба которых совершенно необходима на месте и тем менее отправлять преступников при одних рядовых нижних чинов при общем над ними надзоре со стороны одного из таких же чинов ввиду недостаточного усвоения ими, при краткосрочной службе в войсках, требований строгой военной дисциплины» [7. Л. 3–Зоб.].

Но, как показывают многочисленные факты, когда в такой спор вмешивались высшие власти, то, как правило, интересы жандармских структур брали верх над интересами военных. В специальных изданиях, предназначенных для офицеров, рассматривались ситуации, когда воинские части могли быть использованы для содействия гражданским властям в наведении порядка. Так, в изданной в начале XX в. брошюре перечислялись ситуации, когда военнслужащие вправе использовать оружие против гражданских лиц: при необходимой обороне; часовыми и военным караулом; командами, имеющими значение военного караула; чинами пограничной стражи; при содействии войск гражданским властям; чинами жандармских эскадронов и команд; военными начальниками в случае открытого неповиновения или возмущения со стороны подчиненных. И хотя привлечение войск в помощь гражданским властям было упомянуто лишь как одна из подобных ситуаций, но

именно такие случаи вызывали широкий общественный резонанс.

В циркуляре Главного Штаба, изданном в августе 1898 г., военным служащим напоминали о том, что употребление оружия в мирное время, как правило, вызвано «...крайними обстоятельствами и должно соответствовать воинскому достоинству и доблести ... каждый солдат обязан помнить, что всякое напрасное, не вызываемое необходимостью и противное закону действие силой в отношении мирных граждан ложится темным пятном на армию и влечет за собою строгую перед судом ответственность...» [8. С. 6]. Но, во-первых, от мнения нижнего чина мало что зависело, а во-вторых, мнением нижних чинов мало кто из должностных лиц интересовался.

Весной 1905 г. Московский генерал-губернатор обратился в высшие инстанции с предложением при отправке войск для содействия гражданским властям либо использовать ружья старых образцов, либо пользоваться специальными патронами меньшей дальности действия, чтобы не было среди пострадавших случайных лиц. Разъяснения Главного Штаба были достаточно красноречивы и заслуживают того, чтобы их процитировать: «Вооружение войск всюду устанавливается в исключительно боевых целях и в случае печальной необходимости действовать против народных масс, нарушающих порядок, войска употребляют присвоенное им вооружение. Вооружать же войска для действия против толпы особым оружием, помимо неудобств с чисто военной точки зрения, представляется весьма нежелательным и потому, что такой порядок придавал бы войскам значение силы, предназначенной для борьбы против народа. ... Между тем, мера эта, ввиду невозможности предусмотреть где и какую часть потребуется применить огнестрельное оружие для водворения порядка потребовало бы при современном нахождении в наряде почти всех частей Европейской России, **двойного вооружения и обучения частей**, на что не имеется ни средств, ни времени...» [9. Л. 4–4об.].

Революционное движение в стране в 1905–1907 гг., заметно отразившееся в настроениях нижних чинов армии и флота, заставило правительство и высшее военное руководство использовать дополнительные факторы, чтобы сохранить контроль над армией как важной опорой российского самодержавия. Стремясь сохранить лояльность воинских частей, Военное министерство в 1905 г. устанавливает бесплатную выдачу для нижних чинов армии и флота чая, сахара, гимнастических рубаш, постельного белья и повышает

до 6 рублей жалованье рядовому [10. Л. 1–2]. Прежде все это приобреталось нижними чинами на их собственные деньги. 22 ноября 1905 г. по Военному ведомству было отдано распоряжение «Об усиленном довольствии войсковых частей, вызываемых для восстановления порядка», согласно которому устанавливалась дополнительная выдача нижним чинам мяса, крупы и денежного довольствия [11. С. 836].

В начале февраля 1906 г. царем были утверждены новые «Правила о призыве войск для содействия гражданским властям». В Правилах отмечается, что войска могут быть привлечены «1. Для охранения благочиния при церковных торжествах; 2. При тушении пожаров; 3. Для задержания ушедших арестантов...». Но основное внимание составители названных Правил уделили вопросу использования войск при народных волнениях. В этих правилах были подробно расписаны (37 пунктов!) действия войск во время подавления народных беспорядков. С целью более оперативного вызова воинских частей было внесено следующее изменение: отныне войска можно было вызывать не только по письменному, как было ранее, но и по устному требованию должностных лиц [12. С. 105].

В 1906 г. Государственный Совет, рассматривая вопрос о применении огнестрельного оружия против бунтующей толпы, подчеркнул, что стрельба вверх боевыми патронами должна быть безусловно запрещена, так как «могут пострадать люди, находящиеся далеко от места событий и не принимающие участия в беспорядках...». Кроме того, Госсовет высказался и против стрельбы холостыми патронами, аргументируя это тем, что «при употреблении такой стрельбы, в особенности если она сделается обычным приемом при подавлении беспорядков, всякие меры увещевания и предупреждения утратят действие» [12. С. 104]. Весной 1906 г. была разработана и принята к исполнению специальная «Инструкция военным и гражданским властям для противодействия беспорядкам среди населения», которую подписали министр внутренних дел Дурново и военный министр Редигер. Основной мыслью данной инструкции являлось деление территории военных округов и городов на районы и подрайоны, в каждом из которых должна размещаться крупная воинская часть. В каждом из районов и подрайонов назначался воинский начальник, и он был обязан «...всеми имеющимися средствами ...оказывать содействие к прекращению беспорядков...при необходимости не стесняясь границами района» [13. Л. 135]. Если в прежних инструкциях и наставле-

ниях говорилось о том, что вызванные воинские части должны подчиняться полицейским чиновникам и гражданским властям, то по новой инструкции устанавливался иной порядок взаимодействия: в инструкции подчеркивалось, что «при совместных действиях войск и полицейской, а также частной стражи, та и другая подчиняются военному начальству» [13. Л. 134].

О страхе перед революцией, который охватил местные сибирские власти, говорит такой факт: 11 октября 1906 г. начальник Томского губернского жандармского управления полковник Романов направил в Департамент полиции следующее донесение: «Сегодня получена телеграмма временного генерал-губернатора: “Город Новониколаевск представляет собой притон воров и гнездо анархистов, проведите немедленно повальные обыски содействием местного гарнизона, начальнику гарнизона оказать содействие сообщено, обыск проведите в октябре, чинов назначить по уговору жандармских властей”. ... Исполнение приказа генерала ... невозможно, город расположен на восьми верстах, жителей около 35 000, мало чинов жандармского управления ...» [14. Л. 23]. Вскоре сверху последовало указание провести эту военную операцию позже, когда обстановка станет более спокойной [14. Л. 28].

В декабре 1906 г. МВД сообщило томскому губернатору, что в Совет Государственной обороны внесено представление об организации государственного ополчения «для несения гарнизонной службы в военное время внутри страны с целью сокращения или полного освобождения полевых и резервных войск. ... необходимо сформировать целые ополченческие дружины в городах: Петербурге, Москве, Киеве, Севастополе, Новгороде, Кронштадте, Чите и Иркутске, в прочих же местностях организовать из ратников ... роты, полуроты, взводы, команды, подчинив их уездным воинским начальникам». А далее следовало весьма важное дополнение: «По мнению Военного министерства, следовало бы иметь в распоряжении местного военного начальства в виде особых подвижных резервов еще особые ополченческие части, для поддержания во время войны порядка внутри страны, на случай народных волнений и бедствий...» [15. Л. 1]. Это был новый подход к использованию ополченческих частей, ранее закон категорически запрещал использовать ополченческие части для «усмирения толпы, не повинующейся власти» [16. С. 101].

Ознакомившись с полученным документом, Томский губернатор генерал-майор К.С. Нолькен посчитал, что незаслуженно забыт город Томск, и

в Департамент полиции было отправлено секретное послание: «...город Томск, в котором находятся два высших учебных заведения: университет и Технологический институт, а также Управление Сибирской железной дороги [поэтому ему. – В.Б.] потребуется для указанной надобности воинскую часть не менее одной дружины. В городе Новониколаевске, где кроется много преступного элемента ... понадобится не менее роты...» [15. Л. 9об.].

В 1906 г. в разные районы империи правительство отправляет карательные отряды для подавления революционных выступлений. Сибиряки также «имели счастье познакомиться» с двумя такими карательными экспедициями, которыми командовали генералы Меллер-Закомельский и Реннекамф. Военное ведомство, по указанию царя, перед их отправкой выдало личному составу карательного поезда Меллер-Закомельского усиленное денежное довольствие в следующем размере: всем офицерским чинам двойные прогонные деньги в оба конца пути и за всю командировку; подъемные деньги в размере: семейным – четырехмесячный оклад содержания и холостым – двухмесячный оклад содержания; суточные в размере полевых порционных по соответствующим должностям; нижним чинам отпускать за все время командировки кормовые деньги в размере 25 копеек в сутки на человека и суточные в размере: унтер-офицерам по 30 копеек, рядовым по 15 копеек...» [17. С. 110]. Население Сибири долго помнило о «подвигах» этих генералов-карателей. В 1907 г. практика создания карательных поездов на крупных станциях Сибирской железной дороги была возобновлена. В документах такие поезда будут именоваться литерными поездами, в их состав будут включены пехотные части, пулеметные команды и саперы. Литерные поезда были готовы в любой момент отправиться в указанное место для наведения «законного порядка».

Денежные расходы при отправлении воинских частей в помощь гражданским властям, как правило, брало на свой счет государство. Но бывало и иначе, так, например, казакам и солдатам, направляемым для несения полицейской службы на сибирские золотые прииски в XIX – начале XX в., выплату вознаграждения брали на себя владельцы этих приисков.

Если в 1905 г. власти были сильно напуганы революцией и шли на уступки, то в 1906–1907 гг. они чувствовали себя более уверенно и готовы были демонстрировать силу. В ноябре 1907 г. Военный губернатор Забайкальской области генерал-лейтенант Эбелов в секретном распоряжении, направленном верхнеудинскому уездному воинско-

му начальнику, предписывал: «В случае активного революционного проявления нужно прибегать к вызову в достаточном количестве пехоты с пулеметами и приступать к открытию самого решительного огня до полного уничтожения толпы, не щадя никого и не обращая внимания ни на какие материальные потери: казенные или частные, а также и на участие в толпе детей» [18. Л. 90].

Следует отметить, что революционные организации, не только обращались с призывами к солдатам, матросам и казакам не применять оружие против гражданского населения, но и нередко объявляли бойкот тем нижним чинам, которые участвовали в карательных экспедициях. Много лет спустя, в архиве библиотеки им. Салтыкова-Щедрина был найден документ, в котором содержится признание эффективности бойкота участников карательных экспедиций. В январе 1907 г. военный министр обратился к министру народного просвещения с настоятельной просьбой оказать содействие «запасным нижним чинам лейб-гвардии Семеновского полка при приеме на казенные должности, так как означенные чины затруднены до крайности в приискании себе занятий или службы у частных лиц и предприятий, благодаря в высшей степени несправедливому и жестокому их бойкоту» [19. С. 235].

На наш взгляд, масштабы привлечения регулярных войск для содействия гражданским властям в Сибири, если и уступали таковым в европейской части страны по размаху, но, несомненно, превосходили по интенсивности и разнообразию методов их использования в регионе. Связано это было, прежде всего, с определенной слабостью полицейских структур в Сибири и на Дальнем Востоке, насыщенностью региона преступным элементом и частым привлечением воинских команд регулярных войск для конвоирования ссыльных и их охраны. Таким образом, практика использования воинских частей регулярной армии, как полицейской силы для борьбы с народными

волнениями, в кризисные моменты истории не только расширялась, но и становилась более разнообразной по формам и способам. В то же время велась активная борьба за армию между революционными организациями и правительством, при этом каждая из сторон использовала весь арсенал доступных ей методов борьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). 1861 год. Собрание 2-е. Т. 36, ч. 2. СПб., 1863.
2. Свод военных постановлений. Ч. 3: Наказ войскам, кн. 2: Устав о службе войск. СПб., 1859.
3. Томские губернские ведомости. 1872. Январь. № 1.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 10. Д. 200. Кар. 1665.
5. ПСЗ РИ. 1872 год. Собрание 2-е. Т. 47. СПб., 1875.
6. Русское военное обозрение // Военный сборник. 1888. № 8.
7. ГАИО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 173.
8. Употребление оружия воинскими чинами и командами в мирное время. Законы и разъяснения. Составил подполковник Звонков В.Г. СПб., 1903.
9. Государственный архив Российской Федерации, Департамент полиции, Особое отделение (ГАРФ. ДП ОО). II отделение. Ф. 102. 1905. Оп. 233. Д. 2613.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 2. Д. 7443.
11. ПСЗ РИ. 1905 год. Собрание 3-е. Т. 25. СПб., 1907.
12. ПСЗ РИ. 1906 год. Собрание 3-е. Т. 26. СПб., 1908.
13. ГАРФ. ДП ОО. Ф. 102. Оп. 233. Д. 1812. Ч. 1.
14. ГАРФ. ДП ОО. Ф. 102. Оп. 234. 1905–1906. Д. 2. Ч. 29.
15. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 6342.
16. Баяндин В.И. Государственное ополчение в Сибири в годы Русско-японской войны и первой российской революции (1904–1906 гг.) // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 101.
17. Карательные экспедиции в Сибири в 1905–1906 гг. Документы и материалы / Подготовил В. Максаков. М.; Л., 1932.
18. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 337. Оп. 6. Д. 41.
19. Крушкоч Н.Б. Бойкот карателей // Исторический архив. 1956. № 1.